

Шэнь Цяо изначально полагал, что ранения Янь Уши не были серьезными. После стольких дней, даже если он еще не исцелился, он должен был быть в основном здоров.

Кто бы мог подумать, что, проверив пульс, он обнаружит скопление ци в его меридианах? Кровь циркулировала вяло, с смутными признаками застоя — его состояние казалось несколько хуже, чем раньше.

Могло ли быть так, что навыки Сюэтина достигли уровня «легкие, как малая ряска, но на самом же деле проникающие до мозга костей»?

И если это правда, то как он мог проиграть Янь Уши и позволить ему свести свои боевые искусства на нет?

Янь Уши прикрыл рот рукой и дважды кашлянул, а затем разгадал загадку.

— Все потому, что в последние дни я был слишком занят делами секты Хуаньюэ, понемногу собирая назад наши ранее разрозненные силы. Так что у меня не было времени залечивать раны. Не ожидал, что они окажутся такими серьезными.

Шэнь Цяо насупил брови.

— Это же вопрос твоего собственного здоровья, как можно относиться к нему так легко и безопасно?

Янь Уши усмехнулся, явно не воспринимая это всерьез.

— Неважно. Это не опасная для жизни травма, она заживет через три-пять дней.

Шэнь Цяо задумался на мгновение, затем достал из-за пазухи маленький фарфоровый флакон и поставил его на стол.

— Твоя и моя демоническая и даосская основы внутренней силы противоположны друг другу, поэтому я не могу тебе помочь. Но на горе Сюаньду есть много хороших лекарств от повреждений, которые передаются из поколения в поколение. Я раздобыл несколько ингредиентов в одной из ближайших лекарственных лавок и приготовил это лекарство по одному из этих рецептов. Если доверяешь ему, то съешь несколько штук. Принимай по три пилюли в день, это постепенно облегчит твои травмы.

Янь Уши взял фарфоровый флакон. Он был слегка нагрет — все еще хранил тепло тела Шэнь Цяо.

Большой палец его руки огладил изящное горлышко с оттенком неопишуемой

двусмысленности.

Шэнь Цяо не стал долго думать об этом. Он предположил, что человек с такой подозрительной натурой не доверял ему всецело, и мог принять лекарство только с намерением тайно выбросить его позже. Это было бы пустой тратой драгоценных даров природы, ведь в нем содержалось множество ценных трав, которые могли спасти жизнь многим людям. Поэтому он добавил к сказанному:

— Если не собираешься его принимать, то верни мне. Раз уж твои раны не опасны.

— С чего бы мне не принимать его? – Янь Уши позабавило видеть, как тот с затаенным дыханием уставился на фарфоровый флакон, и он намеренно не стал выполнять его просьбу. Он свинтил пробку и высыпал три капсулы себе в рот, а затем отпил несколько глотков сливового напитка из чашки Шэнь Цяо, чтобы запить их.

— Чувствую, как заложенность в моей груди чудесным образом очищается, – Янь Уши потер грудь.

— ...Это ведь не какой-то эликсир бессмертия.

— Я говорю о сливовом напитке! – сказал он со смехом. – Я слышал, что жидкости тела* совершенствующихся на пути Дао можно использовать в медицине. Ты как раз ужепил этот напиток, разве в нем не осталось твоих телесных жидкостей?

* (精; jīngyè) – кит. мед. относится ко всем жидким выделениям организма (напр. слюна, слёзы, пот); Конечно, слюна Шэнь Цяо не может волшебным образом излечить его раны, но телесные жидкости в самом деле считаются одной из материальных основ жизни человека в китайской традиционной медицине. Думаю, Янь Уши ведет себя особенно непристойно, не говоря «слюна» (精; tuòyè), а вместо этого говоря «жидкости тела» (精; jīngyè), что звучит очень похоже на (精; jīngyè), которое является... Более специфическим типом телесных выделений.

Что еще мог сказать Шэнь Цяо в ответ на такое бесстыдство? Хотя ему часто приходилось слышать такие непристойные слова в течение дней, его светлые черты лица все равно не могли не окраситься в розовый цвет.

С полными стыда глазами он, не проронив ни слова, оперся о стол, собираясь встать и уйти. Янь Уши крепко придержал его за руку и с улыбкою поправил себя:

— Хорошо, хорошо, это лекарство подействовало, а не жидкости тела. Когда ты ходил готовить пилюли? Почему я не знал?

— Должен ли этот бедный даос обо всем докладывать главе секты Янь? – с каменным выражением лица ответил Шэнь Цяо.

— Конечно нет. Я всего лишь забочусь о тебе. Беспокоюсь, что тебе не хватит денег, или что тебя обманут.

— Оказывается, этот бедный даос в глазах главы Янь такой тугодум и глупец.

«А разве это не так? – подумал Янь Уши. – Не будь ты глупцом, разве позволил бы мне продать себя Сан Цзинсину, даже не подозревая об этом?»

Но вслух сказал с неизменной улыбкой:

— Как раз нет. Ты становишься лучше день ото дня с тех пор, как спустился с горы. Я заметил, что теперь ты намного умнее, чем раньше.

Шэнь Цяо старался перетерпеть, но в итоге ничего не смог с собой поделать:

— Вижу, от внутренних повреждений главы Янь уже и след простыл. Поговори еще немного — может, излечишься быстрее!

— Не поможет. Без превосходного лекарства даочжана Шэня мое выздоровление будет идти медленнее. Я слышал, Ян Цзянь выделил тебе некоторую сумму денег?

— Верно. Эти деньги предназначены для строительства храма Сюаньду.

— Так ты действительно собираешься остаться в Чанъане надолго?

— Это еще предстоит выяснить. Сначала я хотел бы вернуться на гору Сюаньду, посмотреть, смогу ли я уладить там некоторые вопросы. Если в будущем гора Сюаньду захочет участвовать в делах светского мира, по крайней мере, у нее уже будет точка опоры в Чанъане. На мой взгляд, Ян Цзянь имеет черты выдающегося правителя с большим талантом и смелым видением. Он не из тех выживших из ума императоров, которые слишком предвзяты или пристрастны к мнению одной стороны. Его отношение к даосам довольно благодушное, и, возможно, это даст даосским сектам шанс обрести подъем.

Янь Уши напомнил ему:

— Он делает все это только ради того, чтобы завоевать сердца людей.

— Знаю, – уголки его губ приподнялись. – Но в этом нет ничего плохого. Хотя я даос, я не смею утверждать, что среди даосов нет подлецов. Если может возникнуть ситуация, подобная соперничеству ста школ, это было бы благословением для простого народа Поднебесной, и не было бы больше правителей, грабящих частное имущество в пользу одной религии, делая невозможной жизнь людей. Ян Цзянь находится под сильным влиянием буддизма, но при этом

справедливо относится к конфуцианству и даосизму. На мой взгляд, именно таким великодушием должен обладать император. Самое главное, что в случае, если гора Сюаньду намерена выйти в мир, сейчас самое подходящее время.

Янь Уши приподнял бровь и спросил:

— Разве ты не преклоняешься Ци Фэнгэ во всем? Почему сейчас ты хочешь действовать вразрез с его мнением по этому вопросу?

— Времена уже не те, что раньше. Когда мой покойный учитель еще был в этом мире, такой возможности не было. Если бы этот великий старец был жив, он бы наверняка согласился со мной.

— Ох, когда ты так говоришь, этот достопочтенный кое в чем убеждается.

— Убеждается в чем?

— Когда ты хочешь что-то сделать, то говоришь, что Ци Фэнгэ одобрил бы это, а когда не хочешь что-то делать, говоришь, что уважаешь его посмертный наказ. Он ведь все равно мертв и не сможет выпрыгнуть из могилы, чтобы опровергнуть твои слова.

Он сделал это замечание намеренно. Кто бы мог подумать, что вместо того, чтобы вспыхнуть от гнева, Шэнь Цяо на мгновение серьезно задумается, а затем на его губах появится тень улыбки.

— Да, ты прав.

С этой улыбкой его глаза засияли, как наполненная светом комната. Даже Янь Уши, пристальный взгляд которого упал на них, оказался невольно заворожен этим зрелищем.

— Мой покойный учитель был очень понимающим человеком. Он определенно смог бы принять мой образ мыслей.

Янь Уши скептически изогнул бровь. Постоянные разговоры о достоинствах и доброте Ци Фэнгэ ему совершенно не нравились, но он всегда гордился своим великодушием и щедростью, поэтому, разумеется, не стал поднимать шум из-за мертвеца.

Стало ясно, что хотя Шэнь Цяо по природе своей порядочен, он ни в коем случае не связан правилами. Именно поэтому из пяти своих личных учеников Ци Фэнгэ выбрал Шэнь Цяо своим преемником.

— Поскольку ты принял пожалованный императором титул, даже если фактически ты не

обязан подчиняться его приказам, номинально ты все равно связан с императорским двором. А раз так, то вопрос о горе Сюаньду – не совсем твое личное дело. Учитывая нынешние отношения между сектой Хуаньюэ и династией Суй, если бы Ян Цзянь узнал, что ты отправляешься на гору Сюаньду, даже если бы я не вызвался, он бы обязательно попросил меня помочь тебе. Я позволю Бянь Яньмэю сопровождать тебя в этой поездке, он более тактичен и всегда найдет, чем помочь.

После того, как он изложил это обоснование, Шэнь Цяо не смог больше отказываться и кивнул.

— Тогда большое спасибо, – сказав это, он на мгновение замешкался, но все же добавил. – Ты ранен. Тебе лучше восстанавливаться в покое и отдыхе в ближайшие дни.

Только не надо постоянно скакать повсюду без дела.

Улыбка Янь Уши стала еще шире.

— А-Цяо, это ты так заботаешься обо мне?

— Нет.

— Ты лжешь.

— ...Тогда зачем спрашивать меня?

Янь Уши вздохнул.

— Хотя я очень тронут, мне суждено подвести твои ожидания. Не забывай, что старый лысый осел все еще ждет, когда я «позабочусь» о нем. Как бы то ни было, он когда-то был достойным государственным наставником династии Чжоу и главой буддистов. Как я могу пренебрегать им слишком долго?

«Похоже, у тебя нет никаких сомнений на свой счет» – подумал Шэнь Цяо. Он уловил суть слов собеседника и спросил:

— Ты собираешься убить его?

— Этот достопочтенный намерен использовать его в обмен на нечто чрезвычайно выгодное, – лениво ответил он.

Какова была выгода, он говорить отказался. Шэнь Цяо знал, что дальнейшие расспросы не принесут результата, поэтому не стал спрашивать.

Несколько дней погодя Юань Ин был очень рад услышать, что Шэнь Цяо готовится вернуться на гору Сюаньду, и примчался узнать, когда тот собирается отбыть. Шэнь Цяо, однако, не собирался брать его с собой. Храм Сюаньду все еще возводился, и кто-то должен был следить за строительством. Юань Ин, несомненно, был лучшим кандидатом для этой работы.

Когда Юань Ин услышал об этом решении, его лицо сменило радость на разочарование, которое было настолько очевидным, что его невозможно было вынести.

Шэнь Цяо увидел эти странные перемены и задался вопросом:

— Младший брат, ты так сильно хотел вернуться на Сюаньду?

— Нет... Нет, дело не в этом, - Юань Ин чувствовал себя настолько плохо, что не мог выразить это словами. За последние дни Юй Шэньян, вне зависимости от обстоятельств, всегда находил время, чтобы поддеть его. Юань Ин не мог сказать, что его боевые искусства уступали Юй Шэньяню в силе, но тот ни разу не пытался пустить в ход кулаки, а сам он был благонастным ребенком, который ни в коем случае не ударил бы первым. Вдобавок ко всему, он все еще находился под чужой крышей и не хотел усложнять жизнь своему второму старшему брату. Поэтому он терпел все это из раза в раз, но в душе уже давно считал Юй Шэньяня самым надоедливым человеком из всех, кого он знал, и всегда его сторонился, завидев издали.

Шэнь Цяо похлопал его по плечу.

— Я знаю, что ты всецело посвятил себя совершенствованию и не вмешиваешься в посторонние дела. Но в этот раз я не могу назвать никого другого, кто подходил бы для надзора за строительством храма лучше, чем ты. Я сделаю все возможное, чтобы вернуться как можно скорее, поэтому прошу тебя помочь мне в этом деле.

Юань Ин поспешил ответить:

— Второй старший брат, ты... ты можешь ступать! Я буду приходить туда каждый день и присматривать за всем, и не нужно тебе... тебе беспокоиться.

— Спасибо тебе, А-Ин.

— Второй старший брат, не... не нужно говорить такие слова. Мы все были учениками одного учителя, но я всегда был самым... самым бесполезным. Я никогда не мог ничем помочь. В глубине души мне всегда было очень... очень не по себе из-за этого. Редко когда ты соглашаешься дать мне задание, поэтому я с нетерпением жду его!

Его четвертый младший брат, который всегда любил прятаться за спинами других, стал более рассудительным и понимающим после долгих дней разлуки. Шэнь Цяо был очень доволен им.

Уладив все дела надлежащим образом, Янь Уши покинул Чанъань. После его отъезда Шэнь Цяо и Бянь Яньмэй также отправились в путь к горе Сюаньду.

Бянь Яньмэй был очень интересным человеком, как в поведении, так и в речи. Он обладал чувством собственного достоинства, знал, как далеко он может зайти и когда следует отступить — в отличие от Янь Уши, который часто играл с огнем до такой степени, что приводил Шэнь Цяо в ярость, вызванную стыдом. Путешествие с таким человеком — как глоток свежего воздуха, такое же освежающее и приятное. Кроме того, с самим Шэнь Цяо несложно найти общий язык, и он по праву может считаться хорошим компаньоном. Он не любит быть в центре внимания и готов терпеливо и внимательно слушать, когда говорят другие люди. Во время опасности он становится надежным и безотказным источником помощи. Любому человеку хотел бы иметь такого друга, как он.

Бянь Яньмэй не часто общался с Шэнь Цяо в прошлом, но он долгое время провел при императорском дворе и прекрасно понимал сердца людей. Такие люди, как Шэнь Цяо, которые никогда не предадут своих близких, определенно были людьми, которых он с удовольствием воспринимал как друзей. Как говорится, «еще один друг — еще один выход». Бянь Яньмэй учился и воспитывался у Янь Уши, и по своей сути не сильно отличался от учителя, но по сравнению с ним был гораздо тактичнее и утонченнее. Кроме того, он уже знал о намерениях Янь Уши по отношению к Шэнь Цяо, и специально старался поддерживать с ним приятельские отношения на протяжении всего путешествия. В результате они прекрасно ладили друг с другом.

У обоих был свой цингун, и их сопровождали отличные кони. Если бы они ехали днем и ночью, то путь занял бы от трех до пяти дней. Если бы они ехали только днем, а ночью отдыхали, то путь занял бы более десяти дней. Будь Шэнь Цяо один, он бы без проблем ехал целыми днями. Но так как он путешествовал вместе с Бянь Яньмэем, то, конечно, не хотел заставлять своего попутчика сопровождать его в утомительном пути.

Около десяти дней спустя они прибыли в город Сюаньду, расположенный у подножия горы Сюаньду.

Оглядев оживленный городок, Бянь Яньмэй не удержался от улыбки.

— За последние два года город расцвел и все продолжает цвести. Помню, когда я посещал это место несколько лет назад, здесь не было таклюдно.

Шэнь Цяо не был здесь целую вечность, поэтому он окинул взглядом все окрестности, а затем ответил:

— И правда. Зеленые холмы остались неизменными, но люди вокруг теперь совсем другие!

Выросший в горах с детства, он был хорошо знаком и с городом Сюаньду. Естественно, сейчас он испытывал куда больше эмоций, чем Бянь Яньмэй.

В этот момент они вдвоем сидели в чайном домике, отдыхали и пили чай. Находившийся неподалеку рабочий услышал их слова и подошел, чтобы вмешаться:

— Боюсь, что такая оживленная атмосфера долго не продлится!

— Что это значит?

— Ну, вы оба должны знать, что все эти поля у подножия горы принадлежат даочжанам горы Сюаньду. В прошлом чжанцзяо с пониманием относились к нашим трудностям и взимали с нас очень небольшую арендную плату за землю. Мы были так тронуты и благодарны им! Если бы не это, город Сюаньду не был бы таким процветающим, как сейчас. Не знаю, о чем думает этот новый глава, но несколько дней назад он вдруг заявил, что хочет поднять арендную плату за этот год — и поднять ой как высоко! Как же нам с этим справиться? Владельцы гостиниц и забегаловок, даже чайных домиков, как наш — все должны платить повышенную аренду. Если так будет продолжаться, кто осмелится заниматься торговлей здесь? Хозяин уже растолковал нам, что после конца этого месяца мы должны собрать вещи и вернуться в свой родной город!

— «Этот новый глава» Юй Ай? - спросил Шэнь Цяо.

Работник покачал головой.

— Кажется, его фамилия не Юй. Говорят, он стал главой только в прошлом месяце, а раньше был старшим учеником главы Ци.

— Тань?

— Да, да, да! Его фамилия Тань!

Глаза Шэнь Цяо встретились с глазами Бянь Яньмэя.

— Но ведь изначально говорили, что был главой Юй... Как же теперь стал главой Тань? - Шэнь Цяо не мог подавить десять тысяч волн шока в своем сердце.

— Этот ничтожный человек ничего об этом не знает! - почесал голову работник.

После обмена еще несколькими сплетнями, увидев, что к чаю пришли другие гости, он поспешил поприветствовать их.

Шэнь Цяо медленно наморщил брови.

— Как получилось, что первый старший брат стал главой? Где Юй Ай?

— Мы уехали в конце прошлого месяца и прибыли сюда только в начале настоящего. Не исключено, что мы пропустили новость по дороге, поэтому расспросим кого-нибудь позже. Даочжан Шэнь, только не нужно спешить раньше времени. Еще не поздно осведомиться об обстоятельствах до того, как мы поднимемся на гору.

— Да, хорошо.

Если они хотели выяснить, что происходит, им нужно было сначала найти место для ночлега. Гостиницы на почтовых станциях всегда была хорошим местом для получения информации, и Бянь Яньмэй был хорошо знаком с ними. Он привел Шэнь Цяо в скромную гостиницу — не слишком большую и не слишком маленькую, — и сказал ему:

— У всех этих купцов и людей цзянху есть одна характерная особенность: если они не из знатных и богатых семей, они никогда не остановятся в роскошном месте. Скорее, они предпочтут остановиться здесь, где ни особенно хорошо, ни ужасно, поэтому лучше всего обращаться за информацией сюда.

Шэнь Цяо, естественно, не возражал и кивнул головой в знак согласия.

Пурпурный дворец Сюаньду по-прежнему оставался одной из главных даосских сект. С тех пор как Юй Ай объявил об открытии горы, туда постоянно прибывали молодые люди, желающие обучиться боевым искусствам. Предки некоторых из них принадлежали к цзянху, но к нынешнему поколению их положение ухудшилось. Другие слышали множество анекдотов и историй, связанных с боевыми искусствами, и поэтому всей душой стремились к блеску и сверканию холодной стали. Многие из них обладали неплохими способностями и врожденным талантом, но все они, без исключения, были не из влиятельных или богатых семей. В противном случае эти семьи уже устроили бы лучший жизненный путь для своих потомков, и тем не пришлось бы преодолевать тысячи ли в поисках ученичества.

И, как и говорил Бянь Яньмэй, всем им пришлось остановиться в этой средненькой гостинице, которую нельзя было назвать ни особенно хорошей, ни особенно ужасной.

В главном зале на первом этаже было шумно и многолюдно. Бянь и Шэнь вошли внутрь и стали искать место, где можно присесть.

Случилось так, что рядом с ними сидели несколько молодых людей с мечами. Расспрашивать их не было необходимости, так как они уже обсуждали последние события цзянху.

— Вы слышали? Глава секты Хуаньюэ отправил Ху Лугу официальное письмо с вызовом!

Шэнь Цяо хотел было поднять свою чашку, но когда он услышал эти слова, его сердце дрогнуло, а рука замерла на месте.

Автору есть что сказать:

Янь Уши: Неужели вы все думаете, что у этого достопочтенного произошло короткое замыкание в мозгу и он без причины провоцирует Ху Лугу?

Юй Шэнъянь (почтительно просит наставления): Тогда могу я спросить у учителя, каково его намерение?

Янь Уши: Повеселиться.

Юй Шэнъянь: ...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287413>